

Эрнест У. Хорнунг

ВОР-ЛЮБИТЕЛЬ

*Избранные рассказы
о Раффлсе*

Раффлс, вор-джентльмен

Эрнест Уильям Хорнунг

**Вор-любитель. Избранные
рассказы о Раффлсе**

«1С-Паблишинг»

1910-1921

Хорнунг Э.

Вор-любитель. Избранные рассказы о Раффлсе / Э. Хорнунг — «1С-Публишинг», 1910-1921 — (Раффлс, вор-джентльмен)

Эрнест Уильям Хорнунг (1890–1921) — английский писатель, создатель серии книг об Артуре Раффлсе, взломщике-любителе времён викторианской Англии. Первый сборник рассказов о его похождениях вышел в 1899 году под названием «The Amateur Cracksman». Истории о «высоконравственном» воре Раффлсе и его подручном Мендерсе принесли автору общенациональную известность. Любопытная деталь: шурином Хорнунга был никто иной, как Артур Конан Дойл, и его тёзку Раффлса, антигероя-преступника с манерами аристократа, многие современники воспринимали как пародию на Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Дойла не смущало это карикатурное заимствование, а Хорнунг открыто признавал влияние своего знаменитого родственника. Чем привлекает Раффлс? Он джентльмен, человек с принципами. Он хорош собой и в отличной спортивной форме — чемпион Англии по крикету. И при первом знакомстве ничто не выдаёт в элегантном лондонском денди его истинную страсть — непреодолимую тягу к воровству. Преступления Раффлса весьма изобретательны и будоражат сытую, размеренную жизнь высшего общества. Удастся ли столичной знати уберечь свои сокровища от ловкого вора? Узнаете в книге...

© Хорнунг Э., 1910-1921

© 1С-Публишинг, 1910-1921

Содержание

Джентльмены и игроки	6
Первый шаг	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эрнест Уильям Хорнунг
Вор-любитель
Избранные рассказы о Раффлсе,
джентльмене и воре викторианской эпохи

Посвящается А. Конан-Дойлю, как своего рода лесть.

Перевод редакции журнала «Вестник иностранной литературы» 1901 года

Джентльмены и игроки

Был или не был старина Раффлс выдающимся преступником, но в качестве крикетиста, я могу поклясться, мой друг был единственным в своем роде: он был и опасным защитником, и блестящим нападающим, и самым тонким осторожным лидером в своей команде. При всем при этом он чрезвычайно мало интересовался крикетом вообще. Он никогда не являлся на стадион без крикетного мешка, но выказывал очень мало интереса к результату матча, в котором он сам не был участником. И это не было просто злобным эгоизмом с его стороны, он уверял, что утратил всякое увлечение крикетом и занимается им лишь из самых низких побуждений.

– Крикет, – говорил Раффлс, – как многое другое, довольно хороший спорт, пока вы не узнаете чего-то лучшего. В качестве источника возбуждения его нельзя сравнивать с иными вещами, небезызвестными тебе, Банни, а невольно напрашивающееся сравнение становится удручающим: что за удовольствие взять какие-то воротца противника, когда ты хочешь украсть его ложки. А если ты еще и умеешь немного катать мячи, то твое грубое искусство не будет особенно грубым – ты непрестанно следишь за слабым местом противника, это полезное умственное упражнение. Да, пожалуй, по большому счету есть некоторое сходство между обоими занятиями, но я и не поглядел бы на завтрашний крикет, если бы не гнался за высокими покровителями, необходимыми для особы с моими преступными наклонностями.

– Однако, – возразил я, – это выставляет тебя перед публикой, как мне думается, гораздо больше, чем требуют благоразумие и безопасность.

– В этом ты и ошибаешься, милый Банни: совершать преступления с надлежащей безнаказанностью непременно следует точно так же, как устраивать блестящую карьеру, чем больше публики, тем лучше, это правило очевидно. Блаженной памяти мистер Пис предотвращал подозрения тем, что прославился в своем околотке как скрипач и дрессировщик разных животных, и мое глубокое убеждение, что Джек-потрошитель был действительно выдающимся общественным деятелем, спичи которого пользовались такой же широкой известностью, как и его зверства. Раз ты исполняешь свою обязанность на каком-нибудь выдающемся посту, тебя никогда не заподозрят в том, что ты дублируешь свою должность, совмещая с другой, не менее выдающейся. Вот почему я хочу, чтобы ты занимался публицистикой, друг мой, и подписывал все, что только можешь. Это также единственная причина, почему я еще не сжег свои крикетные клюшки при растопке камина.

Тем не менее, когда Раффлс вступал в игру в крикете, не было более искусного артиста на поле брани, никто так не стремился отстоять свою команду. Мне помнится, как он подошел к сетке перед началом первого матча в этом сезоне, с карманом, наполненным соверенами, и начал раскладывать их на колышках в виде подмазки. Надо было видеть, как профессионалы боролись, словно демоны, из-за этой солидной ставки, потому что при ударе о каждый колышек доставался фунт стерлингов игроку, и еще один фунт отдавался его команде. Игрок же, взявший воротца, добывал даже три фунта стерлингов. Это обошлось Раффлсу в восемь-девять соверенов, но он решительно шел лучше всех: сделал пятьдесят семь ходов в этот день.

Для меня было удовольствием сопровождать его на все матчи, следить за каждым поданным, отбитым или проведенным мячом, либо сидеть, болтая с Раффлсом, в палатке, когда он не делал ни того, ни другого, ни третьего. Таким образом, нас можно было найти друг около друга почти все время первого тайма игры между джентльменами и игроками (когда право атаковать перешло к джентльменам). Во второй же июльский понедельник нас уже можно было только видеть, но не слышать, потому что Раффлс ошибся перед этим в счете и был страшно зол на игрока, так мало заботившегося о команде. Соблюдая лишь безмолвие в обращении со мной, он был положительно груб с некоторыми членами, желавшими узнать, как это случилось, или осмелившимися выразить соболезнование по поводу его неудачи. Так сидел он со

шляпой, надвинутой на нос, и с сигарой между губами, складывавшимися в досадливую гримасу при всяком обращении к нему. Поэтому я был крайне удивлен, когда какой-то юноша фатоватаго вида подошел и втиснулся между нами, и ему был оказан Раффлсом вполне вежливый прием, несмотря на его бесцеремонность. Я не знал этого молодого человека по виду, и Раффлс не представил нас, впрочем, их разговор обнаружил, во-первых, весьма поверхностное их знакомство, а во-вторых, развязность со стороны юноши, начинавшую мне уже нравиться. Мое недоумение достигло высшего предела, когда Раффлс, при уведомлении, что отец этого юноши жаждет с ним встретиться, немедленно согласился исполнить подобную прихоть.

– Он в дамском отделении, вы согласны пойти сейчас?

– С удовольствием, – сказал Раффлс, – займи мое место Банни.

И они ушли.

– Молодой Кроули, – проговорил им вслед чей-то голос, – с прошлого года он состоит в команде Гарроу.

– Я припоминаю его: самый дрянной человек во всем кружке.

– Зато искусный крикетист, успокоился лишь после двадцатой баллотировки. Капитан принял его. Юноша хорошего происхождения... О, прелестно, сэр, о, очень мило!

Игра мне надоедала. Я пришел только за тем, чтобы любоваться подвигами Раффлса. Теперь я нетерпеливо ждал его возвращения и наконец увидел, что он манит меня к себе у барьера с правой стороны.

– Позволь представить тебя старику Амерстезу, – прошептал он, когда я подошел к нему. – В будущем месяце предстоит крикетная неделя, когда молодой Кроули достигнет совершеннолетия, а оба мы приглашены к нему на игру.

– Оба, – откликнулся я, – да я ведь не крикетист!

– Молчи, – сказал Раффлс, – предоставь это мне, я врал ему, что только мог, – торжественно присовокупил он, когда мы подошли к трибуне. – Надеюсь, ты меня не выдашь.

Тут у него в глазах промелькнул огонек, который я хорошо знал при других обстоятельствах, но был совершенно не подготовлен к нему в этой спокойной безмятежной обстановке. Полный совершенно определенных предчувствий и подозрений, я двинулся, заманиваемый этим диким огоньком, пробираясь среди целого цветника из шляпок и наколок, раскинувшегося перед дамским павильоном.

Лорд Амерстез был изящным господином с небольшими усами и двойным подбородком. Он принял меня с величайшей вежливостью, через которую, однако, не трудно было заметить несколько менее лестное мнение обо мне. Я был принят в качестве неизбежно прихвостня к бесценному Раффлсу, и я чувствовал себя сильно обиженным, отвешивая глубокий поклон лорду.

– Я осмелился, – сказал лорд Амерстез, – пригласить к себе одного из «джентльменов» Англии для участия в нашем деревенском крикете в будущем месяце. Он настолько любезен, что высказал полную готовность к этому, но ваша небольшая рыболовная экскурсия, мистер, мистер... – лорд Амерстез силился припомнить мое имя.

Я, разумеется, впервые слышал об этой рыболовной экскурсии, но поспешил заявить, что она легко может и, конечно, должна быть отложена. Раффлс метнул мне одобрителный взгляд через опущенные ресницы, лорд Амерстез поклонился и продолжал:

– Вы очень добры, безусловно, – сказал он, – но, я полагаю, вы также крикетист?

– Еще со школьной скамьи, – сказал Раффлс со злодейской поспешностью.

– Не настоящий крикетист, – пролепетал я со своей стороны.

– В категории одиннадцати? – спросил лорд Амерстез.

– К сожалению, нет, – отозвался я.

– Но тотчас вслед за этой категорией, – заявил, к моему ужасу, Раффлс.

– Ну-ну, ведь не можем же все мы играть джентльменами, – протянул лорд Амерстез, – мой сын Кроули тоже только что пробрался в категорию одиннадцати к Гарроу. Между тем, он будет играть, да я и сам буду, в случае крайности, следовательно, вы окажетесь не единственным слабым игроком, если только вы такой, а мне будет весьма приятно, если вы явитесь и посодействуете нам. Мы будем сражаться перед завтраком и после обеда, если угодно.

– Я был бы очень счастлив... – начал я в виде прелюдии к решительному отказу, но глаза Раффлса так и впилась в меня, и я, слабо сопротивляясь, в конце концов сдался.

– Так это решено, – проговорил лорд Амерстез с легкой тенью неудовольствия. – Игра будет продолжаться неделю, с того момента, как сын мой достигнет совершеннолетия, к нам присоединяются еще Фри-Форестеры, дорсетшейрские джентльмены и, вероятно, кое-кто еще из местных сил. Впрочем, мистер Раффлс все сообщит вам по этому поводу, а Кроули напишет... Еще воротца! Клянусь Богом, он все их одолеет!.. Так я рассчитываю на вас обоих, – и с легким кивком лорд Амерстез встал и начал пробираться к выходу.

Раффлс встал также, но я схватил его за рукав куртки.

– Что ты придумал? – яростно зашептал я ему. – Никогда в жизни я не приближался к одиннадцати, я вовсе даже не крикетист! Я отделаюсь от этого приглашения!

– Только не ты, – прошептал Раффлс в ответ, – тебе нет надобности играть, но прийти ты обязан. Если ты подождешь меня до половины седьмого, так я объясню тебе почему.

Но я уже мог угадать причину и сознаюсь, к стыду, это возмущало меня менее, чем публичное изображение из себя шута на крикетной арене. Мое горло сдавливало при этом, как не сдавливало уже давно при мысли о преступлении, и далеко не спокойный бродил я взад и вперед, в то время как Раффлс скрылся в павильоне. Мое удрученное состояние не уменьшилось при замеченной мной мимолетной встрече молодого Кроули с его отцом, который, пожимая плечами, остановился и конфиденциально сообщил сыну какое-то известие, наведшее, по видимому, некоторое уныние на молодого человека. Может быть, это была простая мнительность с моей стороны, но я готов был поклясться, что их огорчение вызвано невозможностью заполучить великого Раффлса без его ничтожного компаньона.

Но вот раздался колокол, и я вскарабкался на трибуну, чтобы следить за игрой Раффлса. Никакие тонкости игры не были тут упущены из виду, и если какой-нибудь крикетист и изобилдовал ими, так это именно Альфред-Джон Раффлс в этом матче, как, наверное, помнит весь крикетный мир. Не было нужды самому быть крикетистом, чтобы оценить его полную предсказуемость относительно всяких откосов и трещин, его изящные, легкие движения, оставшиеся неизменными всюду, его великолепные удары, всю бесконечную изобретательность этой разнообразнейшей атаки. Это была уже не простая демонстрация атлетической ловкости, тут была умственная система, имевшая вдобавок специальное значение в моих глазах: я увидел «сходство между обоими занятиями», увидел его в этой неустанной борьбе против самого блестящего состава профессиональных крикетистов. Нечего и говорить, что Раффлс проходил несколько ворот в ничтожное число ударов: он был слишком тонким крикетистом, чтобы упоминать о подобных вещах. И время было минимально, и воротца были взяты изящным образом, но чем я особенно восхищался и о чем я всегда вспоминаю, так это о комбинациях относительно искуснейшей помощи партнеру, о терпении, об отчетливости, об умственной работе наряду с ручной, составлявших в совокупности одно художественное целое. Все было здесь так характерно для того, другого Раффлса, которого я только и знал раньше.

– Я с удовольствием играл сегодня, – сознавался он мне потом, усаживаясь в кабриолет, – если бы мне еще помог откос, я сделал бы что-нибудь выдающееся, но и теперь три против сорока одного, кроме четырех, которые пропали зря, – это не так уже плохо для медленного борца со свинцовыми воротцами против сегодняшних артистов. Но я чертовски взбешен, ничто не раздражает меня так, как распросы о моем крикете, как будто я тоже профессионалишка.

– Так в чем же дело?

– В том, чтобы наказать их, и вот почему мы должны сильно подтянуться, Банни, пока сезон не закончился.

– Ах, – проговорил я, – так я и знал, что дело в этом!

– Разумеется, в этом. Они, кажется, собираются устроить тут самую дьявольскую неделю: балы, пикники, домашняя кутерьма, всеобщий кутеж и, само собой очевидно, полный дом бриллиантов! Бриллиантов, черт побери! Вообще говоря, ничто не в силах побудить меня к злоупотреблению своим положением гостя, я никогда этого не делал, Банни, но в данном случае мы приглашаемся нарядом с прислугой и музыкантами, и, клянусь небом, мы соберем свою дань. Но... будем лучше спокойно обедать и болтать о чем-нибудь другом.

– Однако мне кажется, это довольно вульгарное воровство, – не мог не промолвить я, и с этим моим единственным протестом Раффлс немедленно согласился.

– Да, это вульгарное воровство, но что же мне делать? Мы снова вульгарно попали в нужду, а это положит ей конец. Кроме того, здешний народ заслуживает наказания и должен его понести. Однако не воображай себе, что все будет идти как по маслу. Ничего нет легче, чем стянуть что-нибудь, но ничего нет труднее, чем отклонить от себя всякие подозрения, что, разумеется, мы и должны сделать. Мы сможем выкарабкаться, лишь составив предварительно хороший план действий. Как бы там ни было, во всяком случае у нас есть еще целые недели на размышление и для тебя, и для меня.

Но я не буду утомлять вас описанием этих недель, замечу только, то «размышление» было исключительно со стороны Раффлса, который не всегда трудился сообщать мне свои мысли. Впрочем, его сдержанность уже не так раздражала меня, как прежде, я начал принимать ее как необходимое условие успеха в этих рискованных предприятиях. После других наших приключений в таком роде, в особенности же после их благополучной развязки, моя вера в Раффлса слишком окрепла, чтобы ее мог теперь пошатнуть недостаток доверия ко мне. Это было, как я полагаю, скорее инстинктом преступника, нежели логическим выводом обыкновенного смертного.

В понедельник, 10 августа, мы обязаны были явиться в Мильчестерское аббатство в Дорсете. С первых чисел месяца мы уже сновали по Дорсетскому графству, вооруженные на этот раз удочками. Целью было прослечь здесь за почтенных рыболовов и приобрести некоторые знания о местности ввиду дальнейших, более отважных операций, по окончании нашей беззаботной недели. Была тут еще и другая идея, которую Раффлс держал в тайне, пока не привел меня в Дорсет. Он устроил однажды на лугу, по которому мы бродили, импровизированную партию в крикет и бросал мне мячи в течение целого часа. Еще больше часов потратил он, подкатывая их ко мне по низкой траве, и хоть я так и не сделался от этого крикетистом, но, по крайней мере, я был ближе всего к этому именно в конце потраченной на упражнения недели, чем до или после того.

Неожиданности начались с самого утра в понедельник. Соскочив у маленького глухого перекрестка всего в нескольких милях от Мильчестера, мы были захвачены страшным ливнем и решили укрыться в ближайшем трактире. Какой-то цветущий, щеголеватый парень пил что-то в зале, и я готов был поклясться, что именно увидев его, Раффлс попятился назад к порогу и затем начал настаивать на возвращении к станции по проливному дождю. Потом он уверял меня, что от запаха затхлого эля ему сделалось почти дурно. Однако, я мог предполагать что угодно, судя по его задумчивым, опущенным вниз глазам и нахмуренным бровям.

Мильчестерское аббатство, серая четырехугольная громада, совершенно затерянная в роскошной лесной гуще, мерцала тройным рядом блестящих окон. Каждое из них было освещено, потому что мы попали как раз в тот момент, когда уже пора было одеваться к обеду. Экипаж прокатил нас через несколько строящихся триумфальных арок, мимо павильонов и флагов, развевавшихся над празднично убраным крикетным полем, где Раффлс задумал

восстановить свою пошатнувшуюся репутацию. Но главные признаки празднества оказались внутри, где мы нашли громадное число гостей уже в сборе. Тут виднелось столько знатных, величественных и властных людей, сколько я никогда не встречал до тех пор в одной комнате! Сознаюсь, я почувствовал себя угнетенным. Наши дорожные скитания и мои претензии на крикет, все это лишило меня той непринужденности, которой я, бывало, гордился. Я почувствовал легкое облегчение от этого нервного напряжения, лишь когда наконец был объявлен обед. Я и не подозревал, какую пытку мне придется испытывать вновь именно за обедом.

Я подсел к молодой леди, далеко не такой ужасной, как это могло выпасть на мою долю, и начал искренне благодарить счастливую судьбу за это одолжение. Мисс Мельвиш была дочерью простого священника. Ее и пригласили только ради четного числа гостей. Она сама уведомила меня о том и о другом еще раньше, чем до нас дошел суп. Последующий ее разговор отличался подобной же милой наивностью. У нее замечалась своего рода мания уведомлять обо всем. Мне оставалось лишь только прислушиваться, кивать головой и чувствовать себя признательным. Когда я открыл соседке, что знаю лишь очень немногих из присутствующих здесь хотя бы по виду, моя разговорчивая собеседница принялась немедленно рассказывать мне кто и кем был из собравшихся, начиная с сидящих по левую руку от меня и добросовестно обходя весь круг, вплоть до правой моей стороны. Это тянулось весьма долго и в самом деле заинтересовало меня, но большая часть дальнейшего разговора интересовала уже мало. И вот, очевидно, чтобы завладеть снова моим ослабевшим вниманием, мисс Мельвиш спросила меня многозначительным шепотом, умею ли я хранить тайны.

Я отвечал, что, мне думается, умею. Затем последовал еще один вопрос тем же тихим, пронзительным шепотом:

– Вы боитесь разбойников?

– Разбойников? – я, наконец, насторожился. Эти слова меня ошеломили. Я повторил их в виде пугливого вопроса.

– Ну я нашла, наконец, чем заинтересовать вас! – воскликнула мисс Мельвиш с наивным торжеством. – Да, разбойников, только не говорите так громко. Это должно храниться в величайшей тайне. Я, право, не должна бы вам вовсе говорить.

– Что же тут говорить? – прошептал и я уже довольно нетерпеливо.

– Обещаете вы не болтать об этом?

– Разумеется.

– Ну так здесь есть разбойники по соседству.

– И что же – они совершили злодейство?

– Нет еще.

– Так откуда же вы знаете?

– Их кое-кто видел в здешних окрестностях. Это двое известнейших лондонских воров.

Двое!.. Я посмотрел на Раффлса. Я так часто делал это в течение вечера, завидуя его громадному уму, железным нервам, блестящему остроумию, его полной непринужденности и самообладанию, но теперь я пожалел его. При всем моем ужасе и смущении, я ощутил еще и жалость, что Раффлс тут ест и пьет, болтает и смеется, без всякой тени тревоги или замешательства на его изящном, чарующем, дьявольски смелом лице. Я взял шампанское и осушил целый бокал.

– Кто их видел? – спросил я довольно спокойно.

– Сыщик. За ними следили от самого города несколько дней тому назад и убедились, что злодеи имеют какой-то умысел против аббатства.

– Почему же их не схватили?

– Вот именно об этом я и спрашивала папá сегодня вечером. Он говорит, что пока нет никаких улик против этих людей, и все, что можно сделать, это наблюдать за их действиями.

– О, так они находятся под наблюдением?

– Да, под наблюдением сыщика, приехавшего сюда для этой цели. И я слышала, как лорд Амерстез говорил папá, что их видели сегодня днем у Варбекского распутия.

Это было как раз то место, где мы с Раффлсом спасались от дождя. Наше бегство из трактира теперь вполне разъяснилось. Но, с другой стороны, мне не следовало показывать особенного удивления, что бы ни говорила далее моя соседка, и мне удалось посмотреть ей в лицо даже с легкой улыбкой.

– В самом деле, очень интересно, мисс Мельвиш, – сказал я. – Можно мне спросить вас, как вам удалось так много разузнать об этом?

– Это все папá, – конфиденциально сообщила она мне. – Лорд Амерстез посоветовался с ним, а он посоветовался со мной. Но ради всего святого, не проболтайтесь об этом. Я просто не могу понять, что заставило меня вам открыться.

– Вы можете мне довериться, мисс Мельвиш. Но разве вы не встревожены?

Мисс Мельвиш звонко рассмеялась.

– Ни чуточки. Они не пойдут в дом священника. Там им нечего взять. Но вы поглядите вокруг стола, поглядите на эти бриллианты, посмотрите хоть на кольцо старой лэди Мельроз!

Вдовствующая маркиза Мельроз была одной из немногих особ, которых мне не было надобности указывать. Она сидела по правую руку от лорда Амерстеца, приставляя ежеминутно слуховой рожок и попивая шампанское с характерным аристократическим шиком, как чрезвычайно милая и веселая женщина. Роскошное кольцо из бриллиантов и сапфиров красовалось на ее полной груди.

– Говорят, оно стоит пять тысяч фунтов, по крайней мере, – продолжала моя собеседница. – Лэди Маргарита говорила мне сегодня утром (знаете, лэди Маргарита, там, около вашего Раффлса). И милая старушка непременно желает надевать это кольцо всякий вечер. Подумайте, какой это магнит для мошенников! Нет, нам нечего особенно опасаться за свой дом.

Когда лэди встала из-за стола, мисс Мельвиш снова взяла с меня обет хранить тайну и покинула меня, я полагаю, несколько раскаиваясь в своей болтливости, но еще более гордясь значением, несомненно, приобретенным ею таким образом в моих глазах. Подобное стремление объяснялось, конечно, некоторым тщеславием, но, в сущности, действительное побуждение к беседе всегда кроется именно в этом общечеловеческом стремлении ошеломить своего партнера. Особенностью мисс Мельвиш было лишь то, что она хотела быть ошеломляющей во что бы то ни стало, и уж действительно ошеломила как следует.

Не стану описывать вам своих чувств в следовавшие затем два часа. Я всячески старался шепнуть словечко Раффлсу, но мои попытки то и дело расстраивались. В столовой он закурил с Кроули папиросы одной и той же спичкой, и все время они сидели, близко склоняясь друг к другу. В гостиной я с огорчением услышал, как Раффлс болтает нескончаемый вздор в рожок лэди Мельроз, с которой он был знаком еще в городе. Наконец в бильярдной они затеяли крупную и бесконечную партию, в то время как я, сидя в отдалении, изводился как никогда в обществе одного очень серьезного шотландца, приехавшего уже после обеда и не желавшего говорить ни о чем, кроме последних усовершенствований в мгновенной фотографии. Он явился не для того, чтобы участвовать в состязании, говорил он мне, а с целью изготовить для лорда Амерстеца столько серий крикетных снимков, сколько еще никогда не изготовлялось. Был он любителем или профессиональным фотографом – этого я не мог определить. Вспоминаю, однако, что я старался порою развлечься, решительно сосредоточивая свое внимание на разговоре с этим надоедой. В конце концов, однако, эта нескончаемая попытка прекратилась. Бокалы были осушены, гостям пожелали спокойной ночи, и я последовал за Раффлсом в его комнату.

– Все пошло прахом! – воскликнул я, когда он зажег газ и запер двери. – За нами следят! За нами шли по пятам, начиная от самого города, и теперь тут нас сторожит сыщик.

– Откуда ты знаешь? – спросил Раффлс, быстро поворачиваясь ко мне, но без малейшего огорчения.

Я рассказал ему, как я узнал.

– Наверное, – присовокупил я, – это и был тот парень, которого мы видели сегодня в трактире.

– Сыщик? – спросил Раффлс. – Так ты, стало быть, не узнаешь сыщика, когда наткнешься на него, Банни?

– А если это не был тот парень, так кто же он?

Раффлс покачал головой.

– Подумать, что ты сейчас лишь проболтал с ним целый час в бильярдной и не мог распознать, что он за птица.

– Шотландский фотограф!..

Я онемел от изумления.

– Он действительно шотландец и, пожалуй, фотограф, но он же инспектор шотландского округа Мэкензи. А ты не мог раскусить его в течение целого часа. Ах, Банни, Банни, ты совершенно не создан для преступления!

– Но, – сказал я, – если это Мэкензи, так кто же тот субъект, от которого бежали мы в Варбеке?

– Тот, за кем сыщик следит.

– Так он следит не за нами?

Раффлс поглядел на меня с состраданием и вновь покачал головой, протягивая мне свой раскрытый портсигар.

– Не знаю, разрешается ли курить тут в спальне, но лучше возьми-ка ты сигарету, Банни, и держись крепко. Я собираюсь сказать тебе нечто обидное.

Я разразился смехом.

– Говори что угодно, дорогой Раффлс, если только Мэкензи гоняется не за нами с тобой.

– Ну, разумеется, нет, и не может быть этого. Да никто, кроме прирожденного Банни, не в состоянии допустить хоть на минуту что-либо подобное. Неужели ты серьезно думаешь, что он сидел бы тут и, зная обо всем, глядел бы, как его человек поигрывает на бильярде перед самым его носом? Положим, он мог бы. Это кремень, Мэкензи, но я-то не такой кремень, чтобы выиграть партию при подобных условиях. По крайней мере, я не думаю, что способен на это. Интересно бы, впрочем, попробовать, хотя и в данном случае положение было не лишено известной пикантности, но я знаю, что Мэкензи не помышляет о нас. Кроули, видишь ли, сообщил мне обо всем этом после обеда, и, кроме того, я сам заметил одну из темных личностей нынче днем. Ты думал, что это сыщик заставил меня стрекануть из трактира. Право, не знаю, почему я не сказал тебе тогда же, но это было как раз нечто противоположное. Этот краснорожий горлан – один из самых искусных мазуриков в Лондоне, я однажды пил с ним, заключая союз взаимопомощи. Я был в тот момент прыщельгой с головы до пят, и ты теперь поймешь, что я не желал подвергаться напрасному риску, чтобы меня вдруг узнал подобный экземпляр.

– Он не один, как я слышал?

– О, да, разумеется. Есть по крайней мере еще один с ним, и предполагают, что он раздобыл сообщника тут, в самом доме!

– Тебе сказал так лорд Кроули?

– Кроули и шампанское с ним заодно... по секрету, разумеется, как и тебе твоя барышня. Но даже и по секрету он ничего не сообщил мне о Мэкензи. Сказал только, что есть тут в толпе гостей сыщик, вот и все. Допущение его в качестве гостя, разумеется, величайший секрет, который надо скрывать от всех приглашенных: это может их оскорбить. А еще пуще надо это скрывать от прислуги, за которой сыщик особенно должен следить. Вот мои сведения о

положении дел, Банни, и ты должен согласиться со мной, что партия оказывается несравненно интереснее, чем мы могли вообразить.

– Но и несравненно труднее для нас, – проговорил я со вздохом под влиянием малодушной тревоги. – На этой неделе наши руки, во всяком случае, связаны.

– Не совсем, дорогой Банни, хотя я согласен, что шансы против нас. Но даже и в этом я не вполне уверен. Существуют всякого рода возможности при подобных тройных комбинациях. Заставь А следить за В, и его взгляд уже не будет тогда направлен на С. Эта теория очевидна. Только Мэкензи чрезвычайно крупное А, и мне будет прискорбно иметь с ним какую-либо переделку в здешнем доме. Хотя великолепно было бы втереться между А и В и одурачить их обоих! Это стоит громадного риска, Банни, подобная штука! Стоило бы риска даже и просто вырвать хоть что-нибудь из лап такой старой лисицы, как В с его шайкой, да еще в его исконном излюбленном деле. Ах, Банни, это будет очень похоже на крикет, клянусь Юпитером! Как джентльмены и игроки около одних и тех же воротец!

Глаза Раффлса сверкали так, как я уже давно не видел. Они светились преступным восторгом, вспыхивавшим у него лишь при мысли о каком-нибудь новом сумасбродстве. Он сбросил ботинки и начал метаться по комнате быстро и бесшумно. Никогда еще я не видал Раффлса таким возбужденным.

– Дорогой мой Альфред, – сказал я, подражая собственной его манере, – ты чересчур уже увлекаешься игрой высшей школы. Смотри, ты падешь жертвой спортсменских стремлений, и ничего больше. Воспользуйся же этим уроком и не заносись так высоко, если хоть чуточку дорожишь нашими шкурами. Изучай дом, сколько тебе вздумается, только не вкладывай свою голову в пасть Мэкензи!

Моя сильная метафора заставила его остановиться, он стиснул зубами сигарету, и между сверкающих глаз появилась глубокая складка.

– Ты совершенно прав, Банни, я не буду больше, право, не буду. Только видел ли ты ожерелье старухи Мельроз? Я мечтал о нем целые годы, но я не буду валять дурака, клянусь честью, не буду!.. Однако, черт возьми, подставить ножку профессорам да еще и самому Мэкензи, это была бы большая игра, Банни, очень большая игра!

– Только не следует начинать ее на этой неделе.

– Нет, нет, я не буду... Но меня занимает, как профессора думают приняться за работу. Вот что мне хотелось бы знать. Я соображаю, действительно ли у них есть сообщник в доме. Как бы мне хотелось разведать их план... Но так и быть, Банни, не беспокойся! Все будет по твоему желанию.

При таком заверении я ушел в свою комнату и улегся в постель с облегченным сердцем. Во мне оставалось еще настолько честности, что я радовался отсрочке наших теперешних подвигов, трепетал перед их выполнением, оплакивал их неизбежность. Иными словами, это подтверждало и без того слишком очевидный факт, что я был несравненно слабее Раффлса, был плох по всем пунктам. Впрочем, и у меня было одно, пожалуй, ценное качество: я обладал способностью отбрасывать неприятные думы, не связанные тесным образом с настоящим моментом, совершенно выкидывать их из головы. Применяя эту способность, я наслаждался в последнее время легкомысленной жизнью в городе с такой же постыдной беспечностью, как я отрекся от нее год тому назад. И точно так же здесь, в Мильчестере, в течение вызывавшей столько опасений крикетной недели я, собственно, в конце концов отлично проводил время.

Правда и то, что здесь выступили и другие факторы, способствовавшие моему приятному разочарованию. Во-первых, на крикетном поле аббатства оказались еще более зеленые игроки, нежели я. Кроме того, в самом начале недели, когда это было важнее всего для меня, я вызвал немало восторгов одним счастливым ударом. Мяч, гул от которого я прямо-таки слышал, почти сам вскочил мне в руки, и даже лорд Амерстез отметил этот подвиг, публично поздравив меня. Такая счастливая случайность не прошла бесследно, в том числе и для меня. И так как ничто

не ободряет сильнее, чем успех (а постоянное одобрение величайшего крикетиста на этом поле было само по себе крупным стимулом), то я действительно сделал один-два порядочных удара, когда до меня дошла очередь. Мисс Мельвиш говорила мне вечером самые милые вещи во время бала в честь наступившего совершеннолетия виконта Кроули. Она сказала мне также, что именно в эту ночь разбойники хотят сделать решительное нападение, и была вся исполнена трепета, когда мы вышли с ней в сад освежиться. Она невольно боялась, хотя все помещение было ярко иллюминировано вплоть до утра. Между тем, невозмутимый шотландец производил свои бесчисленные снимки в течение дня и проявлял их в течение ночи в темной, отлично приспособленной к этому комнате в служебных пристройках. И я твердо убежден, что только двое из всех гостей знали, что мистер Клефан из Данди – инспектор шотландского округа, знаменитый Мэкензи.

Неделя заканчивалась решающим матчем в субботу, после которого двое или трое из нас намеревались уехать пораньше, чтобы в ту же ночь возвратиться в город, – однако матчу не суждено было состояться. В ранний утренний час в субботу в Мильчестерском аббатстве разыгралась трагедия.

Позвольте мне рассказать все это так, как я видел и слышал. Моя комната выходила в центральную галерею и не соответствовала по своему рангу комнате Раффлса да, я полагаю, и всех прочих гостей. Действительно, меня поместили в спальне одного из лордовых лакеев, и моими ближайшими соседями была старая леди Мельроз, сам хозяин дома и хозяйка. Итак, в пятницу вечером главные торжества закончились, и, пожалуй, впервые на этой неделе я крепко заснул, начиная с полуночи. И тут вдруг я почувствовал, что сижу на постели, затаив дыхание. Глухой шум слышался у моей двери: я различал чье-то кряхтенье и неясное шарканье туфель.

– Я ведь поймал тебя, – бормотал чей-то голос, – к чему же сопротивляться?

Это был голос шотландского сыщика, и я похолодел от страха. Ответа не было слышно, но тяжелое сопенье слышалось все сильнее и шаркающие туфли быстро ударились о порог. Охваченный ужасом, я соскочил с постели и распахнул двери настежь. На перилах тускло мерцала свеча, и при ее свете я мог видеть Мэкензи, ерзающего и мотающегося в безмолвной борьбе с каким-то сильным противником.

– Держите этого человека, – закричал он, как только я появился, – держите мошенника!

Но я стоял, как ошалелый, пока оба они не придвинулись ко мне вплотную. Тогда, испустив глубокий вздох облегчения, я мигом бросился на противника, лицо которого я наконец увидел. Это был один из лакеев, прислуживавших за столом. Едва я вцепился в него, как сыщик выпустил свою добычу.

– Навалитесь на него, – закричал мне Мэкензи, – там еще есть внизу!

И он поскакал вниз по ступеням. В ту же минуту раскрылись еще двери, и одновременно показались лорд Амерстез с сыном, оба в фуфайках. Тогда находившийся в моих руках человек перестал бороться, но я все-таки держал его в момент, когда Кроули зажег газ.

– Что тут за домовые? – спросил лорд Амерстез, щурясь от света. – Кто побежал туда вниз?

– Мак-Клефан, – поспешил ответить я.

– Ага, – сказал он, поворачиваясь к лакею, – так ты мазурик, не правда ли? Отлично, отлично! Где же его поймали?

– Не имею об этом понятия.

– Здесь открыта дверь к леди Мельроз, – сказал Кроули. – Леди Мельроз, леди Мельроз!

– Ты забываешь, что она глуха, – сказал лорд Амерстез.

– А, ну так услышит ее компаньонка.

Через минуту портьера раскрылась. Послышался легкий крик, и белая жестикулирующая фигура появилась на пороге.

– Где же шкатулка маркизы? Окно раскрыто. Она исчезла.

– Боже мой, окно раскрыто, и шкатулка исчезла! – воскликнул лорд Амерстез. – А как чувствует себя маркиза? Ничего?

– Да, милорд, она спит.

– Спит... несмотря ни на что! – воскликнул милорд. – Она единственная в своем роде.

– Что же заставило Мэкензи... Клефана убежать? – спросил меня молодой Кроули.

– Он сказал, что там еще кто-то есть внизу.

– Ах, черт, почему же вы не сказали об этом раньше? – закричал Кроули и побежал, в свою очередь прыгая по ступеням.

За ним последовали чуть не все крикетисты, которые только что высыпали гурьбой на место происшествия и пустились теперь в погоню. Раффлс был в их числе. Я охотно последовал бы за ними, если бы лакей не улучил в эту минуту возможности стряхнуть меня с себя и не сделал прыжка по тому направлению, откуда выскочили игроки. Лорд Амерстез удержал его на мгновение, но злодей отчаянно рванулся вперед, мы оба помчались за ним по ступеням среди целого хора пугливых восклицаний, раздававшихся из полуоткрытых дверей. По счастью, мы загнали злодея в руки других двух лакеев, которые появились, засовывая свои рубашки в штаны. Хозяин был настолько любезен, что мимоходом поздравил меня, устремляясь сам в сад.

– Мне кажется, я слышал выстрел... вы не слышали?

– Я? Кажется, я слышал их три.

И вот мы бросились во мрак сада.

Я припоминаю, как песок царапал мои босые ноги, как мокрая трава леденила их, когда мы спешили в направлении голосов к крикетному полю. Ночь была так темна, что мы очутились среди крикетистов прежде, чем увидели их белеющие фуфайки. Лорд Амерстез едва не наступил на Мэкензи, лежавшего распростертым на росистой траве.

– Кто это? – вскричал он. – Боже мой, что случилось?

– Это Клефан, – ответил человек, стоявший над ним на коленях. – Ему куда-то попала пуля.

– Он жив?

– Едва-едва.

– Боже милосердый! А где же Кроули?

– Я тут, – ответил запыхавшийся голос. – Знаете, господа, ведь это невозможно. Непостижимо, куда они делись. Тут Раффлс – его тоже слегка оглушили.

И они все суетливо рассыпались в стороны.

– Во всяком случае, одного мы поймали, – пробормотал Амерстез. – Прежде всего надо занести в дом беднягу Клефана. Поддержите, пожалуйста, кто-нибудь его плечи... теперь средина тела... сложите под ним руки... Ну, теперь все разом, вот дорога. Ах, бедный малый! Его имя вовсе не Клефан. Это сыщик шотландского округа, он и явился сюда из-за этих мерзавцев.

Раффлс прежде всех выразил удивление, но он же первый стал поднимать раненого, и ни у кого из присутствующих не было такой твердой и вместе с тем такой нужной руки во всей процессии, медленно продвигавшейся к дому. Вскоре мы уложили находившегося без сознания Мэкензи на софу в библиотеке. Когда после этого приложили лед к его ране, а в рот влили несколько капель водки, глаза Мэкензи открылись и губы начали шевелиться.

Лорд Амерстез наклонился к нему, чтобы уловить смысл произносимых слов.

– Да, да, у нас в руках есть один, целый и невредимый. Тот негодяй, которого вы ухватили за шиворот наверху.

Лорд Амерстез наклонился еще ниже.

– Ах, черт побери! Так это он выбросил шкатулку из окна? Неужели? И они удрали с ней вместе! Хорошо, хорошо!.. Я все же надеюсь, что нам удастся поставить на ноги этого доброго человека. Он опять в обмороке.

Прошел час, солнце уже стояло высоко.

Оно озарило с дюжину молодых людей, сидящих на скамейках в бильярдной в своих куртках прямо поверх пижам, попивающих виски и содовую воду и все еще возбужденно беседующих, не переводя духа. Расписание поездов переходило между тем из рук в руки. Доктор был все еще в библиотеке. Наконец дверь открылась, и в ней появился лорд Амерстез.

– Он не безнадежен, – сказал он, – но все же довольно плох. Сегодня уже не будет крикета.

Прошел еще час, и большинство из нас было уже на пути к станции, чтобы успеть на ближайший поезд. Мы переполнили купе вагона до того, что почти задыхались, и все еще толковали, все разом, о приключении прошлой ночи. Я был маленьким героем в своем роде, так как имел в своих руках одного из задержанных злодеев. Сыпавшиеся на меня комплименты были изящны и вески. Раффлс только посматривал на меня через полуопущенные веки. Ни одним словом не обменялись мы с ним. Ни слова не проронили, пока не оставили всех остальных в Паддингтоне и не скользили снова по лондонским улицам в уютном экипаже, с бесшумными колесами и звякающим колокольчиком.

– Ну, Банни, – сказал Раффлс, – так профессора добились своего, а?

– Что же, – сказал я, – очень рад.

– Тому, что бедный Мэкензи поражен пулей?

– Что мы с тобой хоть раз исполняли приличную роль.

Раффлс пожал плечами.

– Ты безнадежен, Банни, совсем безнадежен. Однако я думаю, ты бы не отказался от своей доли добычи, если бы она попала к нам в руки! Но ты определенно был едва ли не лучше всех, выступая всего второй раз. Признаюсь, однако, профессорская метода чертовски заинтересовала меня, и я, пожалуй, выиграл в приобретении опыта столько же, сколько потерял во всех прочих смыслах. Это выбрасывание драгоценной шкатулки из окна – очень простой и действительный способ. Двое из них ожидали шкатулку внизу целыми часами.

– Как ты узнал? – спросил я.

– Да я глядел на них из своего собственного окна. Оно находилось как раз над окном нашей милой старушки. Я просто дрожал над этим ожерельем, особенно когда я глядел на него вчера вечером. И вот я случайно взглянул на окно, впрочем, я, в сущности, и хотел посмотреть, отворено ли нижнее окошко и нет ли какой-нибудь возможности разыграть *deus ex machina*¹, свернув простыню в виде каната. Разумеется, я из предосторожности погасил предварительно свет у себя и это я сделал чрезвычайно кстати. Я различил двух субъектов прямо под собой внизу, они же меня не заметили. Я разглядел также чуть-чуть светящийся кружочек, который сверкнул на мгновение, исчез, и затем снова блеснул через несколько минут. Разумеется, я знал, что это за штука, потому что и у меня тоже есть часики со светящимся циферблатом. Они представляют собой своего рода фонарь, когда неудобно воспользоваться другим, но мои субъекты не пользовались часами, как фонарем, они стояли под самым окном старой леди и следили теперь за временем. Вся махинация была подстроена с помощью их сообщника внутри. Дайте только вору за воров следить! Через какую-нибудь минуту я уже знал, что тут готовится произойти.

– И ты ничего не сделал? – воскликнул я.

– Напротив, я сполз вниз и влез в комнату леди Мельроз.

– Ты это сделал?

– Ни секундошки не колеблясь, чтобы спасти ее драгоценности. И я готов был завопить со всей силы в ее рожок, чтобы поднять на ноги целый дом, – но милая леди так отчаянно глуха и до того увлекается обедом, что ее не легко разбудить.

¹ Бог из машины (лат.) – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора.

– Ну?

– Она не шелохнулась.

– И ты позволил профессорам, как ты их называешь, забрать ее драгоценности, шкатулку и все?

– Все, кроме этого, – сказал Раффлс, ударяя меня легонько в грудь кулаком. Мне хотелось и раньше показать тебе это, но, право, любезный дружище, твоя физиономия за весь сегодняшний день могла бы доставить целое состояние какой-нибудь торговой фирме.

И, разжав кулак, он мгновенно обвил свою руку вереницей бриллиантов и сапфиров, которые я так недавно видел на груди леди Мельроз.

Первый шаг

В эту ночь он рассказал мне историю первого своего преступления. Раньше он лишь упоминал о нем как о неведомом инциденте известного крикетного состязания в Австралии, и мне так и не удалось выжать от Раффлса хотя бы слово по этому поводу, несмотря на то, что в таких попытках с моей стороны не было недостатка. Он только тряс головой и задумчиво глядел на дым от сигареты, в глазах же у него светился странный взгляд, полущиничный, полупечальный, как будто дни честной, порядочной жизни, утраченные навеки, имели все-таки для него свою прелесть. Раффлс замыслил что-то необычайно новое, грандиозное, хотел добиться наконец славы с неостывающим энтузиазмом артиста. Нельзя было даже представить себе трепет или угрызения совести среди его откровенно-эгоистического увлечения пороком, и все-таки словно облачко заглушенных укоров совести как будто набегало на него при воспоминании о первом злодействе, так что я уже отказался от мысли услышать его историю еще задолго до той ночи, когда мы вернулись из Мильчестера. Хотя крикет уже витал в воздухе, однако крикетный мешок и чемодан Раффлса, в котором он хранил его, покоились на каминной решетке с еще видневшимися на коже обрывками восточного ярлыка. Мой взгляд задержался на этом ярлыке довольно долгое время, и я полагаю, что Раффлс следил за движением моих глаз, потому что вдруг он спросил меня, неужели я все еще жажду услышать его сумбурную историю.

– В этом нет надобности, – отвечал я, – ты не пожелаешь распутать мне этот сумбур, я должен сам вообразить его себе.

– Как же ты это сделаешь?

– О, я начинаю уже постигать твою методу!

– Ты думаешь, я явился на свет с открытыми глазами, такой, как сейчас?

– Я не могу представить себе, чтоб ты действовал когда-нибудь иначе.

– Мой любезнейший Банни, это была самая непредумышленная вещь, какую я когда-либо совершал в моей жизни.

Кресло Раффлса откатилось назад к библиотеке, когда он вскочил вдруг с внезапным приливом энергии, глаза его сверкали настоящим негодованием.

– Нет, я не могу этому поверить, – с силой произнес и я, – я не могу поздравить тебя с таким жалким началом.

– Ну так, стало быть, ты совсем глуп...

И вдруг он остановился, пристально поглядел на меня и стоял так мгновение, улыбаясь помимо собственной воли.

– Или, верней, ты искуснее, чем я думал, Банни. Клянусь, это было ловко подстроено, и, мне кажется, я попался, как нельзя лучше! Твоя взяла, как говорится. Но, в сущности, я и сам вспоминал об этом происшествии, суматоха прошедшей ночи напомнила мне о нем до некоторой степени. Итак, я расскажу тебе, в чем было дело. Теперь наступил подходящий момент, и я воспользуюсь им, нарушу единственное хорошее правило моей жизни... Только надо еще немного выпить.

Виски забулькало, сифон зашипел, лед глухо бухнулся в стакан, и вот, сидя в своей пижаме, с неизменной сигаретой в зубах, Раффлс рассказал мне историю, которую я уже не чаял услышать. Окна были растворены настежь, сперва в них врывались всевозможные уличные звуки со стороны Пикадилли, но еще задолго до окончания его истории последние колеса проребезжали, последнего горлодера утихомирили, и лишь мы одни нарушали безмолвие летней ночи.

– Нет, брат, в самом деле, у тебя еще все идет гладко, ты довольствуешься лишь подачками на чаек, так сказать, а мои первые шаги были куда замысловатее: я сразу очутился в

преисподней и, право, с удовольствием отклонил бы от себя это приглашение. Однажды мы направились в Мельбурн-Кёп на скачки. Я наметил известного фаворита, который оказался как раз не в фаворе, и это не единственный способ облапошить дурака в Мельбурне. Я не был таким старым невозмутимым актером, как теперь, Банни, мое раздумье над финансовыми проблемами было в то же время и моей проблемой, но другие не знали, до какой степени мне приходилось плохо, и я поклялся, что они и не узнают. Я позондировал местных ростовщиков-жидов, но они не ловились на удочку. Тогда мне взбрела в голову мысль о некоем мифологическом родственнике, троюродном брате отца, о котором никто ничего и не знал, кроме того, что он жил в одной из английских колоний. Если он богат, то превосходно: я стану его обрабатывать, если же нет, то не стоит тревожиться. Я попробовал навести справки, и счастье мне улыбнулось, то есть я думал, что улыбнулось в тот самый момент, как мне оставалось уже немного дней жизни в Австралии. Я порезал себе руку как раз перед большим рождественским крикетным состязанием и не в состоянии был бы подать шар, если бы даже он прямо летел на меня.

Доктор, осматривавший меня, случайно спросил, не был ли я в родстве с Раффлсом из Национального банка, и от одной лишь возможности этого у меня занялся дух. Родственник, оказавшийся крупным представителем одного из банков, который может обогатить меня при одном только произнесении моего имени, что могло быть лучше этого? Я вообразил себе, что этот Раффлс и есть именно тот человек, который мне нужен, но с крайним прискорбием узнал через минуту, что он вовсе не был крупным представителем, доктор даже не встречался с ним, а всего лишь читал о нем по поводу мелкого происшествия в одной загородной конторе, которой и заведовал мой однофамилец. Вооруженный разбойник был довольно смело изгнан оттуда Раффлсом, всадившим в него пулю. Такого рода происшествие было настолько обыкновенно, что я только тогда впервые услышал о нем. Загородная контора! Мой финансист превращался все-таки в славного товарища, готового подарить мне банковский билет, хотя он и считал деньги своей душой. Во всяком случае, директор остается директором, и я заявил, что желаю осведомиться, не окажется ли он родственником, которого я давно разыскиваю, а потому не будет ли доктор так добр сообщить мне название этой филиальной конторы.

«Я сделаю больше, – отвечал доктор, – я скажу вам название той конторы, в которую он был переведен с повышением, потому что я, кажется, слышал, что они его уже назначили».

На следующий день доктор сообщил мне название городка Йе, милях в пятидесяти к северу от Мельбурна, но с неопределенностью, характеризовавшей все его сообщения: он не в состоянии был сказать, найду ли я там моего родственника или нет.

«Он одинокий человек и его инициалы У. Ф., – сказал доктор, довольно осведомленный о не особо важных подробностях. – Он оставил свой пост несколько дней тому назад, но, кажется, не обязан являться на нынешний пост раньше нового года. Нет сомнения, впрочем, что он отправится раньше, чтоб осмотреться и укрепиться, как следует. Вы можете его там найти или же не найти, на вашем месте я бы написал».

«Это отнимет два дня, – возразил я, – и даже больше, если его там нет».

Я намеревался напасть на этого провинциального директора прямо врасплох и чувствовал, что если я захвачу его еще в продолжение рождественских праздников, то небольшой кутеж мог бы значительно подвинуть дело.

«В таком случае, – сказал доктор, – я бы достал себе спокойную лошадку и поехал, вам не следует шевелить этой рукой».

«Нельзя ли мне поехать по железной дороге?»

«И можно, и нельзя. Вам все-таки придется потом ехать верхом, а вы, я думаю, лихой кавалерист».

«Да».

«В таком случае, я бы, разумеется, ехал верхом всю дорогу. Туда прелестный путь через Уитльси и по горам Пленти-Ренжес. Это вам даст некоторое понятие о буше, мистер Раффлс, и вы увидите истоки вод, питающих всю здешнюю столицу, вы увидите, откуда стекает к ней каждая капля: это чистое волшебство! Хотел бы я иметь время, чтобы поехать с вами».

«Но где мне достать лошадь?»

Доктор подумал с минуту.

«У меня есть моя собственная кобыла, вся заплывшая салом от недостатка работы, – сказал он. – Было бы настоящим благодеянием для меня посадить кого-нибудь к ней на спину на промежуток в сто миль или вроде этого. Вдобавок, я был бы спокоен, что у вас не будет искушения шевелить больной рукой».

«Вы слишком добры», – протестовал я.

«А вы – Раффлс!» – отвечал он мне.

Если есть на свете более милый комплимент или более любезная настойчивость, хотя бы среди колониального гостеприимства, то я лишь могу сказать, Банни, что я такой не слышал.

Раффлс глотнул свое виски, бросил окурочок папиросы и закурил новую прежде чем продолжать.

– Ну я и решил написать несколько строк этому У. Ф. своей собственной рукой, которая, как ты видишь, не была особенно тяжело ранена: просто лишь третий палец был сломан и находился в лубках. На следующее утро доктор усадил меня на свою коровообразную скотину, как будто нарочно созданную для больных. Половина крикетистов вышла глядеть на мой отъезд, другая половина была слегка сердита на меня за то, что я не остался на их состязание, как будто я мог помочь им выигрывать одним своим присутствием.

Они не много знали о той игре, за которую я брался, а еще меньше знал я сам о том, что приключится со мной.

Это была довольно интересная поездка, в особенности после местечка, называющегося Уитльси, – настоящий глухой городишко на отлогих уступах гор, где, мне помнится, я ел убойственную баранину и пил чай при термометре, показывавшем трехзначную цифру в тени. Первые тридцать миль или вроде того шла хорошая, точно кованая дорога, по ней можно было объехать верхом хоть полсвета, но после Уитльси начались настоящие горные тропинки, которых я зачастую не мог даже разглядеть и предоставлял выбор кобыле. Она опускалась в глубокие рытвины, переплывала озера, и все время местность была ярко окрашена: гуттаперчевые деревья, фазаны и попугаи всех цветов радуги. В одном месте целый гуттаперчевый лес был облуплен и деревья стояли, как будто вымазанные белой краской, без листочка и без единого живого существа на целые мили. Но первое встреченное мною живое существо могло бы, пожалуй, вызвать у тебя мурашки по телу. Это была лошадь без всадника, мчавшаяся во весь опор через лесную чащу со свернувшимся на бок седлом и мотающимися стремями. Не долго думая, я ринулся ей наперерез на своей кляче, и задержал как раз вовремя, чтобы позволить человеку, галопировавшему сзади, привести все в порядок.

«Благодарю вас, сударь», – буркнул этот огромный детина, в красной клетчатой рубахе, напоминавший собой патриарха, но с дьявольским выражением в лице.

«Что-нибудь случилось?» – спросил я, задирая свою голову кверху.

«Да», – отвечал он, хмурясь и как бы преграждая дальнейшие расспросы.

«И нечто кровавое, – продолжал я, – если это кровь тут на седле?»

Ну, Банни, я, если хочешь, и сам злодей, но не думаю, чтобы когда-нибудь я поглядел на ближнего так, как этот детина поглядел на меня. Однако я сам смерил его взглядом с ног до головы и заставил признаться, что на перевернутом седле была действительно кровь. Тут он стал совсем шелковый и рассказал мне, каким образом все случилось. Один из его товарищей запутался в ветках деревьев и расцарапал себе нос, вот и все, но он все-таки оставался

на лошади до тех пор, пока не свалился от сильной потери крови. Этот товарищ был тут неподалеку, за кустами.

Я уже говорил тебе, Банни, я не был таким опытным артистом, как теперь, ни в каком отношении, и мы расстались довольно добрыми друзьями. Незнакомец спросил меня, куда я держу путь, и когда я ответил, он проговорил, что я выгадаю семь миль и попаду в Йе на целый час раньше, если сойду в сторону от дороги и поеду напрямик к горной вершине, что виднелась через деревья, а затем двинусь вдоль канавы, которую я увижу с горы. Не улыбайся, Банни, я ведь сразу сказал тебе, что был младенцем в те дни. Разумеется, короткая дорога оказалась длиннющим крюком, и уже к поздним сумеркам я со своей убогой клячей увидел единственную улицу в Йе.

Я высматривал, где тут банкирская контора, как вдруг кокой-то господин в белой паре сбежал вниз с веранды.

«Мистер Раффлс?» – осведомился он.

«Мистер Раффлс?» – отвечал я, смеясь и пожимая ему руку.

«Вы таки запоздали».

«Да. Меня сбили с дороги».

«Только-то и всего? Ну я вздыхаю с облегчением, – проговорил он. – Знаете ли, что тут рассказывают: в окрестностях появились свежеиспеченные разбойники, между Уитльси и Йе. Это такая же шайка, как была у Келли, толковали, что они отправили уже вас к праотцам, а между тем, они наскочили, как говорится, дока на доку?»

«Это случилось скорее сейчас».

Мой отпор покорило его и как будто слегка удивил, однако, в моем замечании было гораздо более смысла, чем в его неловком комплименте по моему адресу.

«Боюсь, что вы найдете тут все довольно неудобным, – проговорил он, наконец, стаскивая с лошади мои чемоданы и передавая поводья слуге. – Счастье еще, что вы холостяк, как и я».

Я не мог хорошенько уловить смысл и этого последнего замечания, потому что, будь я женат, я едва ли привез бы к нему свою жену, так сразу, без церемоний. Я пробормотал какую-то банальную фразу, он же добавил, что все, вероятно, устроится, когда я поживу здесь подольше, как будто я намеревался коротать с ним целые недели.

«Однако, – подумал я, – у этих колониальных жителей настоящая мания гостеприимства». Тем не менее, все еще удивляясь, я отправился вслед за ним в жилое помещение банка.

«Обед будет готов через четверть часа, – сказал он, когда мы вошли. – Я думаю, вы с удовольствием сначала примете душ: все необходимое для этого есть в комнате в конце коридора. Позвоните, если будете в чем-то нуждаться, ваш багаж, между прочим, еще не доставлен, но есть письмо, принесенное нынче утром».

«Не ко мне же?»

«Нет, к вам. Разве вы не ждали его?»

«Разумеется, не ждал».

«Ну, а оно пришло».

И вот, когда он провел меня в мою в комнату, я прочел на конверте адрес, написанный мной самим к У. Ф. Раффлсу!

Банни, я знаю, тебе случалось испивать горькую чашу до дна, ты знаешь, каково это. Все, что я могу тебе сказать, это, что при виде такого письма я до того упал духом, как никогда еще, я думаю, дружище, не случалось тебе падать. Я не в состоянии был ничего проговорить, а стоял лишь с собственным своим письмом в руках, пока мой собеседник не счел более приличным оставить меня одного.

У. Ф. Раффлс! Мы принимали друг друга за У. Ф. Раффлса, потому что новый директор еще не приехал! Не удивительно, что у нас в разговоре происходили постоянные *qui pro quo*², и чудо, что мы не обнаружили своего обоюдного заблуждения. Как бы он надо мной посмеялся! Но мне, мне было далеко не до смеха, ей Богу, вовсе не до того! Я рассмотрел в мгновение ока все произошедшее, без трепета, но с чувством тяжелого гнета, когда подумал о своем собственном положении. Я очутился на дне глубокой пропасти, так как рассчитывал на этого У. Ф. Раффлса. Теперь я вспомнил о субъекте с бородою патриарха, о лошади, мчавшейся без всадника с окровавленным седлом, об умышленно ложном указании дороги, сбившем меня совсем в сторону, затем о директоре и о слухах насчет появившихся там разбойниках. Но, в сущности, я не стану утверждать, чтобы я почувствовал какую-нибудь личную жалость к человеку, которого я никогда не видел. Подобная жалость – это лишь общепринятая вежливость, да и вдобавок все мое сострадание было тогда обращено только на самого себя.

² Что-либо вместо чего либо, один вместо другого (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.